

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТОМ
VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА   1953   ЛЕНИНГРАД

Н. П. ШАСТИНА

ПЕРЕВОД И. РАССОХИНА ИСТОЧНИКА ПО ИСТОРИИ МОНГОЛОВ КОНЦА XVII В.

В Архиве Академии Наук СССР в Ленинграде, в так называемых „портфелях Миллера“ хранится объемистая рукопись под названием „История о завоевании китайским ханом Канхием калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии, состоящая в пяти частях. Переведена с маньчжурского языка на российский прапорщиком Ларионом Рассохиным. 1750 г.“.¹ Рукопись состоит из трех толстых тетрадей, в кожаных переплетах, общим объемом в 2963 страницы, писанные от руки типичной скорописью XVIII в. несколькими почерками, вероятно, академических переписчиков с исправлениями, сделанными рукою самого Иллариона Рассохина.

Известно, что Илларион Рассохин после возвращения из Пекина состоял при Академии Наук переводчиком с маньчжурского и китайского языков.² По поручению Академии им выполнялись различные переводы, в том числе и вышеупомянутая работа, представляющая в настоящее время интересный материал для изучения истории Монголии в последней четверти XVII в. Это время для Монголии ознаменовалось бурными событиями, окончившимися покорением ее маньчжурами, что повлекло за собой потерю самостоятельности более чем на двести лет. Одним из основных источников по этому периоду истории Монголии является написанная на китайском языке история завоевания Монголии маньчжурским императором Канси. Эта работа одновременно с названием переводилась на маньчжурский язык. Таким образом, существуют два параллельных текста: китайский и маньчжурский. Именно с маньчжурского текста и был сделан русский перевод

¹ Архив Академии Наук СССР, ф. 21, оп. 5, №№ 1, 2, 3.

² Сведения о жизни и деятельности Рассохина см.: В. П. Таранович. И. Рассохин и его труды по китаеведению. Советское востоковедение, III, 1941, стр. 225—241.

Илларионом Рассохиним в 1750 г. Маньчжурский текст датирован 1709 г. Сочинение написано на основании многочисленных подлинных документов, как то: текстов рескриптов, приказов и распоряжений по подготовке похода и формированию армии, воинских приказов во время похода, донесений военачальников и многочисленных послов, отправляемых Канси к монгольским князьям, к Галдану, в Тибет к далай-ламе и правителю его — дибе; на основании текстов указов и писем, отправленных к ним и полученных от них ответов. Документы эти почти всегда приведены в сочинении целиком, что чрезвычайно увеличивает ценность данного источника, так как в них полно и ярко отражаются непосредственно происходящие события, в них чувствуется биение живой жизни и по ним легко восстановить фактическую канву происшедшего.

Хронологические рамки данной работы не очень широки, они охватывают время с 1677 г. по конец 1698 г.

При изучении нашей рукописи не следует забывать, что „История завоевания калкаского и элетского народа“ писалась по распоряжению маньчжурского императора, что она отражает события так, как этого хотелось победителю, который желал дать событиям определенное, нужное ему освещение. Поэтому можно подозревать, что при подборе документов могли быть выпущены некоторые данные, сознательно не приведены какие-либо сведения. Мы можем высказать по этому поводу только предположения. В нашем распоряжении нет другого источника, дающего более полные сведения, по которому можно было бы корректировать сделанный подбор документов.

Китайский оригинал данного сочинения, носящий сокращенное название „Цин-чжэн“, был довольно широко использован еще в XVIII в. в обширной работе по истории Китая, написанной иезуитом Майя.¹ Одиннадцатый том этого сочинения посвящен царствованию Канси. В нем рассказана история завоевания Монголии и Джунгарии маньчжурами. Изложение фактической истории и идеологическое их освещение дано Майя в основном по этому источнику.

Маньчжурский оригинал под названием „Бейе дайиламе варги амарги бабе нечихийеме токтобуха бодогони битхе“ привлек внимание русского китаиста XVIII в. Алексея Леонтьева, который перевел из него краткие выдержки.²

¹ Houdier de Mailla. Histoire générale de la Chine, vol. XI. Paris, 1780.

² А. Леонтьев. Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 г. войне у китайцев с зенгордами. СПб., 1777.

Леонтьев не ставил перед собой задачи исследования, как он сам сообщает в кратком предисловии, обращенном „к любознательному читателю“, а лишь хотел познакомить русского читателя с событиями, происходившими в Монголии в конце XVII в.¹

Маньчжурский текст, впрочем в очень небольшом размере, был использован для работы по истории Халхи А. М. Позднеевым в его магистерской диссертации.²

Мы решаемся высказать предположение, что маньчжурский текст „Бейе дайиламе варги амарги“ был также использован при составлении некоторых разделов сборника посмертных списков монгольских князей „Илэтхэл шастир“, особенно второго его варианта, значительно расширенного.³ Весь ход событий, описанных в „Илэтхэл шастир“, документация и совпадение некоторых положений вполне соответствует изложению маньчжурского оригинала. Наше предположение требует дополнительных разысканий, более подробного анализа как монгольского, так и маньчжурского текстов.

Несмотря на то, что данное сочинение довольно широко использовано в востоковедной литературе, нам представляется целесообразным дать критическую оценку этого источника, так как использование его сводилось исключительно к переложению заключающегося в нем фактического материала. До сих пор не было сделано попытки оценить и критически пересмотреть позиции, с которых был написан этот обширный труд.

Прежде всего необходимо отметить доброкачественность перевода Иллариона Рассохина, бывшего превосходным знатоком маньчжурского и китайского языков. Несмотря на некоторую архаичность языка, на еще неустановившуюся терминологию, этот перевод вполне может быть использован для работы над историей Халхи в конце XVII в.

Рукопись перевода разделена переводчиком на три тома, видимо, исключительно в целях удобства хранения громоздкой и обширной работы.

Первый том рукописи состоит из 1033 страниц и содержит: 1) предисловие, написанное лично Канси, 2) донесение от

¹ Следует отметить то обстоятельство, что еще в XVIII в. с маньчжурского оригинала были сделаны два перевода в России, один краткий — Леонтьевым и другой полный и нигде не опубликованный — Рассохиним.

² А. М. Позднеев. Монгольская летопись „Эрдэнийн Эрихе“. СПб., 1883.

³ Второй вариант, или второе издание, „Илэтхэл шастир“ составлен по распоряжению Цяньлуна в 1779 г. Оно составлялось одновременно на трех языках: китайском, монгольском и маньчжурском.

министров для подношения „истории“, 3) краткое содержание предлагаемой „истории“ и, наконец, 4) подробное изложение „истории“ под названием „Премудрое предусмотрение, по которому его величество собственною персоною западные и северные земли оружием смирил“. В первом томе рукописи содержится перевод восемнадцати тетрадей маньчжурского текста.¹ Второй том состоит из 1264 страниц и содержит перевод тетрадей с девятнадцатой по тридцать восьмую. Третий том состоит из 666 страниц и содержит перевод с тридцать девятой по сорок восьмую тетрадь и дополнений, составленных Рассохиным и заключающихся в трех приложениях: 1) „Роспись титулов китайского хана, принцев и прочих должностных лиц“, 2) „Роспись в сей истории упоминаемых городов, местечек и гор“, 3) „Реэстр“ (так Рассохин называет хронологию событий).

Кроме указанных трех томов, в Архиве Академии Наук СССР есть еще две переплетенные тетради, имеющие прямое отношение к нашей рукописи. Первая из них называется: „Китайского хана и принцев его титулы и достоинства статских воинских и рядовых служивых людей названия и их должности, также и провинции их и всех тех знамен, в которых как маньчжурское, китайское, так и за великою стеною кочующих владельцев мунгальские войска состоят названия, собраны по алфавиту и против каждого титула и названия из достовернейших китайских и маньчжурских книг взятым описанием изъяснены“.² При сравнении содержания этого сочинения с росписью титулов китайского хана и принцев, помещенной в конце третьего тома, выясняется, что это не что иное, как именно эта самая роспись, только в ней дополнительно вписаны термины на маньчжурском и китайском языках очень аккуратным и красивым почерком. Количество терминов то же, что и в основной рукописи, всего 359. Эта работа представляет собой терминологический словарь маньчжурских наименований чинов, титулов и других административных названий. Словарь имеет вспомогательное значение при чтении не только рукописи, но и других маньчжурских текстов. Вот пример, взятый из этого словаря: „габшины“ (термин часто встречающийся в рукописи), по-маньчжурски „габшихянь“, по-китайски „цян фын“, что значит „лейбгвардии легкие солдаты или рейтары, которые из лучших

¹ Всего маньчжурский текст содержит 48 томов, или „бэней“.

² Архив Академии Наук СССР, разряд II, оп. 1, № 119. В тетради, размером в писчий лист, — 94 страницы.

и острых солдат выбираются. Они в военное время впереди армии следуют, присматривая неприятеля и примечают его движения, достают «языка», для армии прочищают дороги и в потребных местах делают мосты и прочее. Таких солдат каждая маньчжурская и мунгальская рота имеет по два, а всех восьми знаменах 1756 человек». Из приведенного примера ясно, что мы имеем дело не с простым переводом термина, а с довольно подробным его объяснением.

Вторая тетрадь носит название „Великие хулы преосудительные слова, касающиеся до оскорбления всероссийских августейших монархов величества и до презрения всего славного российского народа, выписаны из печатной истории, сочиненной на маньчжурском языке при китайском хане Канхи называемом о завоевании им калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии“.¹ Тетрадь содержит всего 14 страниц, переплетена в кожу, писана вся почерком И. Рассохина.

Содержание ее представляет собой выписки из переведенной им истории, касающиеся России и отношений маньчжуров к русским. К выпискам Рассохиним даны краткие примечания, в которых он объясняет, почему данное место в тексте кажется ему оскорбительным для достоинства российского подданного и гражданина. Так, он возмущается выражением „дань“, употребленным в тексте для обозначения подарков, присланных ко двору Канси с одним из русских послов (по видимому, речь идет о посольстве Николая Спафария). В другом примечании Рассохин пытается объяснить происхождение названия „цаган-хан“ по отношению к русским царям, причем видит умаление их достоинства в применении этого титула, писанного по-маньчжурски с точкой, что значит „хан, находящийся в подданстве“, в то время когда по отношению, к маньчжурскому императору в тексте употребляется написание слова „хан“ без точки, что значит „самодержавный хан“. Рассохин тут же обвиняет „пограничных безумных толмачей“, которые по незнанию и своему невежеству переводят термин „цаган-хан“ титулом русского императора, „а напротив того китайского хана именуют богдо-ханом“, не понимая истинного значения этого названия — святой хан, т. е. подчеркивая его божественность. Вся эта тетрадь была передана Рассохиним в запечатанном конверте секретарю Академии Наук с препроводительным письмом для секретного хранения.

¹ Архив Академии Наук СССР, разряд II, оп. 1, № 118.

Первый том рукописи начинается с предисловия (стр. 1—10), сочиненного самим маньчжурским императором Канси. В этом предисловии содержатся идеологические положения, с которых Канси рассматривает происшедшие события. Эти высказывания определяют маньчжурскую точку зрения на характер войны, происходившей между Галданом и маньчжурами. Предисловие написано с целью не только объяснить и оправдать свои действия, но и внушить читателю мысль, что военные действия маньчжуров были единственно правильным путем, который мог разрешить создавшуюся ситуацию, что виновниками открытия военных действий является исключительно только Галдан, вынудивший Канси выступить в поход для охранения границ своего государства. Канси, задумав покорение Северной Монголии, после того как им был покорен весь Китай, отлично отдавал себе отчет в том, что военные действия Галдана являются удобным предлогом для вторжения маньчжуров в Халху с целью ее завоевания, но он старательно скрывает свои истинные намерения и усиленно подчеркивает инициативу Галдана, напавшего на маньчжуров, — подчеркивает с целью выставить себя спасителем и умиротворителем Халхи.

На первой же странице своего предисловия Канси не жалеет слов, чтобы очернить Галдана, говоря, что „между элтами явился бешеной Галдан, который по природной своей суровости, злобе и великому коварству так бесчеловечно поступал“ (стр. 1). Кратко набросав схематический план происшедших событий, повлекших за собой военный поход маньчжуров в Халху, Канси объявляет, что организация этого похода была вызвана только стремлением установить мир, „чтобы ни один человек покоя своего не лишился“, для чего следует укротить бунтовщика Галдана, зараженного бешенством, великой суровостью объятого, лезть и всякою неправдою исполненного коварного врага“ (стр. 6). Установление мира в Халхе, охрана собственных границ — вот причины, вызвавшие решение совершить военный поход, — утверждает Канси в своем предисловии. „Возгоревший огонь великие поля поглотит, ежели он погашен не будет“ (стр. 7) — так красноречиво и высокопарно маскирует Канси свои истинные намерения завоевать Халху, что являлось очередной задачей захватнических планов маньчжурского императора. С типичной для него манерой Канси пытается свалить всю ответственность за войну на Галдана, оправдывая и обеляя в то же время свои собственные действия.

В предисловии неоднократно подчеркивается и упорно проводится мысль, что только забота о мире и безопасности

своего государства вынуждает Канси выступить в поход. Также подчеркиваются трудности и тяжести похода „в мунгалской степи“, которые все же не могут остановить Канси в выполнении принятого ими решения „установить мир“, а на самом деле завоевать Халху и уничтожить военные силы ойратов. „Наши пограничные земли от сего закоснелого бунтовщика до тех пор покою своего не получают, пока он истреблен не будет“ — лицемерно утверждает Канси.

Таковы основные положения, которые маньчжурский император хочет внушить читателям, маскируя ими свои истинные завоевательные планы и намерения.

Предисловие, написанное Канси, датировано 19-м днем 12-го месяца 48 года его правления¹ т. е. январем 1709 г. Оно было написано после окончания составления истории и после поднесения ее императору для просмотра.

За предисловием Канси в рукописи следует вступление от авторов, сочинителей „Истории“, названное „Доношение от министров для поднесения под титулом „премудрого промысла““. В этом вступлении, которое является как бы сопроводительной бумагой при поднесении Канси „со страхом и трепетом, с бесчисленными поклонами“ многотомного сочинения, авторы всячески восхваляют мудрость и величие „великого Хуанди“ (т. е. Канси), который один сумел увидеть опасность, грозившую от „бунтовщика“ Галдана, в то время, когда „министры по своему слабому уму никто сего приметить не мог, но все были в том мнении, что от сего маловажного бунтовщика никакой дальней опасности причиниться не может“ (стр. 14). Этим признанием авторы еще более подчеркивают агрессивность действий самого Канси.

Авторы, подкрепляя идеологические позиции маньчжурского императора, утверждают также „что внутреннее спокойствие без уничтожения внешней опасности восстановлено быть не может“ (стр. 15). В соответствии с религиозными представлениями и суевериями своего времени авторы подчеркивают также „божественность“ самого Канси, которому силы природы оказывают всемерную поддержку и помощь во время его похода в Монголию: „То всевышнее небо с землею свою помощь подавали, так что горы и реки чудеса творили, ибо оные на безтравных местах траву и на безводных воду чудесным и весьма удивительным образом приносили“ (стр. 16).

---

¹ Годы правления Канси по-маньчжурски называются „Элхе-тайфин“, по-монгольски „Энхе-амугулан“, что в том и другом случае значит „Спокойствие и мир“.

Описания подобных „чудес“ неоднократно встречаются в дальнейшем повествовании.

В конце вступления тщательно перечислены все авторы и составители истории, которых всего было 16. Четверо из них назывались „главными надзирателями при сочинении“, среди них находился Уньда — президент военной коллегии и верховный министр, носивший титул „алиха амбань“. При главных надзирателях состояло два помощника, шесть человек ученых „сводили текст“ и четверо из Академии состояли при этих последних. Судя по именам, большинство из них были китайцы и только некоторые, в том числе и Уньда, — маньчжуры. Кое-кто из них были непосредственными участниками военного похода в Монголию.

По окончании составления всей истории авторы поднесли ее Канси для просмотра. Канси „собственной рукою“ выправил работу и снабдил предисловием, после чего она была „набело переписана“.

Авторы в скупых, сжатых выражениях рассказывают о своей работе, указывая, что они „сию историю составили по порядку дел“, тщательно подбирая эти дела в хронологическом порядке, выверяя сведения о дорогах и местностях, „на каком расстоянии одно от другого отстоит“ (стр. 30), приводя подлинные тексты приказов, отношений, писем и т. д.

В самом конце вступления дано своеобразное оглавление всего труда, состоящего из 48 томов или „бэней“. Оглавление построено по хронологическому принципу и выглядит таким образом: „Первая книга начинается от 6-го месяца 16 года государственования маньчжурского хана Элхе-тайфин и продолжается по первый месяц 19-го года. Вторая книга начинается от 19 году 2-го месяца и продолжается по 12 месяц 22-го года“ и т. д.

За вступлением следует „Краткое содержание истории о походе Каи-хи“,¹ которое представляет реферат всего сочинения. И только после него начинается изложение самой истории.

Как уже было отмечено выше, большая часть фактических сведений из данного труда была использована при изложении истории Майя и после него А. М. Позднеевым, но далеко не весь материал исчерпан ими. Здесь уместно отметить, что Майя находится вполне под влиянием данного источника и совершенно не критически относится к использованному материалу, разделяя точку зрения Канси на его

¹ В рукописи содержание занимает 94 страницы.

„миссию“ в Монголии как умиротворителя вспыхнувшего там бунта.

А. М. Позднеев, находясь под влиянием монгольских и маньчжурских материалов, в том числе и данного сочинения, также разделяет высказанную в них точку зрения на Канси как на спасителя монголов от ойратского Галдана.

Благодаря богатству фактического материала, обильно приведенной документации, рукопись может служить еще источником новых сведений. Примером этого утверждения являются имеющиеся в рукописи материалы по вопросу русско-монгольских и русско-маньчжурских отношений. Отдельные замечания по данным вопросам разбросаны по всей огромной рукописи, но собранные вместе дают некоторый любопытный материал для понимания сложных отношений между Российским государством и Дайцинской империей в конце XVII в.

Известно, что в 1688 г. был подписан первый русско-маньчжурский договор в Нерчинске, чему предшествовали события, в которых некоторую роль играли и монгольские феодалы. Все сведения о русско-маньчжурских отношениях, имеющиеся в рукописи, можно условно разделить на два периода: сведения, относящиеся ко времени до подписания договора и сведения после его подписания. В первый период упоминаний о России и о русских очень немного и они носят случайный характер. Во второй же период подобных упоминаний больше и для них характерна боязнь маньчжуров, как бы Русское государство не оказало военной помощи монголам. Факт подписания договора и приезд на границу посла Федора (т. е. Ф. А. Головина) также отмечен в работе, где, хотя и кратко, но рассказано, что в связи с прибытием русского посла отправлено к нему для переговоров о размежевании границ особое посольство, члены которого перечислены. Для охраны их „взято от восьми знамен габишинов двести человек, бояр четыреста человек, да от корпуса огненного оружия двести человек. Для провианта направлено из г. Хуху-хотона тысяча мешков пшена. Поставлены особые станы от Великой Стены начиная“. (см. т. 4). Чтобы монголы не испугались движения столь внушительного посольства, было написано особое послание к Ундур-гэгэну, „чтобы он объявил всем калкам о сем, чтобы никакого страху не было“.

Только после подписания Нерчинского договора, когда были урегулированы отношения с Россией, маньчжуры почувствовали себя в силах начать завоевание Северной Монголии. Тем не менее страх перед могуществом Русского

государства внушал маньчжурам опасения, как бы русские не оказали военной помощи Галдану. Эти опасения неоднократно высказываются в рассматриваемой работе. Отправленный в разведку монгол Очир, вернувшись, доложил, что „Галдан состоит в двадцати тысячах своего и в шестидесяти тысячах взятого на вспоможения из России с огнестрельным оружием войска“ (т. 22). Военный совет настолько перепугался одного только этого известия, что предложил Канси прервать поход и срочно вернуться в Пекин. На что Канси в гневе доказывал необходимость продолжать поход и угрозил министрам, что „ежели кто будет трусить и не иметь радения, то оног мы без всякого упущения смертью казнить будем, ибо не надлежит показывать трусость пужливой бабы“ (т. 22). Но и на самого Канси сведения разведчиков произвели тяжелое впечатление, так как он объявлял свое решение продолжать поход „в крайней печали и с великим рыданием“. Конечно, в действительности никаких русских военных сил в Монголии не было, да и не могло быть. Российское государство не собиралось вмешиваться во внутренние дела пограничных государств. Галдан же, как и другие монгольские князья, спекулировал на распространении слухов о русской помощи. Галдан также усиленно распространял слухи о помощи со стороны куку-нурских князей и со стороны „владыки махометанского закона татар“ (т. е. владельца Хами). Галдан отправлял по данному поводу специальные посольства и к куку-нурским князьям, и в Хами и в Иркутск к воеводе Леонтию Кислянскому, о чем известно из русских архивных документов.¹ Слухи об этом посольстве в Иркутск дошли и до маньчжуров. О нем сообщил один из халхаских мелких князей—Чэмбэл-тайджи, рассказывавший, что его отряд поймал „пятерых женщин и трех ойратских мужиков, в допросе показавших, что Галдан недавно у России вспомогательного войска просил“. Кроме того „ойратские мужики“ рассказали, что в ответ на эту просьбу „приехал к нему (т. е. к Галдану) российский посол в двадцать человек, которой, как сказывают, обещал по новой траве своего российского войска с мелким огненным оружием тысячу человек и на телегах положенные большие пушки к восточному концу реки Керумен на помощь прислать“. Давая такие сведения „ойратские мужики“ доложили, что „они люди подлые (т. е. крепостные) и о сем деле слышали от людей, а сами подлинно не знают“ (кн. 22). Подобные слухи, распространяемые ойратами,

¹ Архив Акад. Наук СССР, ф. 21, оп. 4, № 28.

о возможности русской помощи весьма тревожили Канси. Поэтому, когда он убедился в отсутствии в пределах Монголии русских войск, то с явным облегчением заявил, „что сведения о войске россиян при Галдане все есть ложь“ (т. 22).

По поводу возможности русской помощи Галдану Рассохин в своих замечаниях на „великие хулы и предосудительные слова“, к которым он относит и сведения разведчиков и слова Канси, говорит, что „ежели бы подлинно тогда с российской стороны толикое число войска с огнестрельным мелким оружием и с пушками к Галдану на помощь прислано было, то б китайский хан в Великой Татарии так пространно не усилился, понеже у Галдана огнестрельного мелкого ружья токмо не с большим 1000 фузей было, а из пушек ни одной не имелося, однако же он и с тем армию китайского хана дважды с поля збивал“.¹

Маньчжуры боялись русского влияния на монгольские дела и старались всячески ограничить и вообще прервать какие-либо сношения между русскими и монголами. Этим объясняется крайняя жестокость, применявшаяся иногда маньчжурами по отношению к монголам, ушедшим в русские земли. Примером подобного жестокого отношения служит упоминание о судьбе дзасака Ханду, которого было велено „со всеми детьми казнить“ после того как он „под караулом прислан был от россиян“ (1694 г., т. 17). Впрочем, маньчжуры не всегда казнили перебежчиков. За год до упомянутого случая, в 1693 г., „выбежал“ из российского подданства халхаский тайдзи Цэрэнджаб, который был одним из шести дзасаков Тушэтэ-хана. Во время вторжения Галдана в Халху Цэрэнджаб со всеми своими людьми (600 человек) ушел „к россиянам“, а ныне (т. е. в 1693 г.) „забравши всех своих людей оттуда ушел и просит о принятии в подданство. Указано наградить его платьем, камками и выбойками. Делать же его дзасаком или нет о том особо представлено будет“. Так сообщает о нем документ, целиком цитируемый в рукописи. Через месяц Верховная коллегия утвердила его „дзасаком и тайдзи I степени, а пришедших с ним из России 600 человек его подданных распределила на четыре роты по 150 человек в каждой“. (т. 13).

Такие меры проводило маньчжурское правительство, чтобы привлечь на свою сторону монголов, неукоснительно стараясь при этом прервать связи между монголами и русскими.

¹ Архив Акад. Наук СССР, разряд II, оп. 1, № 118.

Представляют интерес разрозненные сведения, имеющиеся в рукописи по поводу истинного отношения Галдана к России, у которой он то просит помощи, то собирается грабить ее подданных. Когда Галдану пришлось отступить под напором маньчжурских войск, когда он понес поражение при р. Тэрэльджи, то для того, чтобы поправить свое положение, он на военном совете обсуждал возможность „пойти грабить российских харатов и бурятов, а затем с провиантом итти к горам Алтай“. Через шпионов это обстоятельство стало известно маньчжурам, которые настойчиво отнесли к подобной возможности для Галдана. В связи с донесением Асхани-амбана об этом, в Военной коллегии обсуждался вопрос о возможном намерении Галдана итти в Россию и было выяснено, что „итти в Российскую землю Галдану не можно, так как у него с россиянами дальней дружбы нет, а он только с торгом к ним посылает. К россиянам ведут две дороги, называемые Хан и Хонгорий. По дороге Хан живут миньгюты и теленгуты, которые имеют к нему сильную вражду“. (кн. 27).¹

Так отдельные замечания, находящиеся в рукописи, позволяют внести новые штрихи в анализ русско-монгольских отношений конца XVII в.

Ценность рукописи Рассохина как источника по истории монголов, конечно, не исчерпывается вышеприведенными сведениями. Ценность ее значительно больше, так как она содержит огромное количество документов, по которым можно установить весь ход переговоров между Канси и Галданом. Интересный материал содержится в рукописи о переговорах между Канси и Цэвэн Рабданом. Отрывочные сведения имеются также о куку-норских монголах, о которых известно так немного. По данным рукописи можно восстановить истинную картину казавшейся загадочной политики тибетского дикты, стремившегося скрыть от Канси смерть далай-ламы, прибегавшего для этого к прямому обману маньчжурских послов и помогавшего Галдану.

Тщательный просмотр рукописи убеждает нас в том, что перед нами один из основных источников по истории завоевания Халхи маньчжурами, из которого можно почерпнуть новые детали и сведения об отдельных событиях из истории монголов конца XVII в.

¹ Повидимому, „дорогой Хан“ назывался путь, шедший мимо Убсанор, через перевалы на хребет Танну-улы, путь, которым ездили русские послы к Алтын-хану в 1616 г. и в 1618 г., так как именно на этом пути им встречались мингаты и теленгуты.